

Глава 8

ГЕНЕРАЛЫ И КОММУНАРЫ

После поражения Германии в Первой мировой войне Советская Россия поспешила денонсировать Брестский договор. Большевики двинулись на Запад устраивать мировую революцию. Однако для начала требовалось установить контроль хотя бы над территорией бывшей Российской империи. С этой целью Кремлем стали создаваться марионеточные правительства, обращавшиеся за помощью к Красной армии. Местные националисты, в свою очередь, были полны решимости отстаивать новоприобретенную независимость.

И хотя на Украине, в Белоруссии, Закавказье, Средней Азии планы большевиков увенчались успехом, в Финляндии, Польше и Прибалтике их постигла неудача. Одним из бастионов, который сумел устоять перед «угрозой с Востока», стала маленькая Эстония.

ЛАЙДОНЕР

Йохан Лайдонер родился 12 февраля 1884 г. в Вильяндиском уезде Лифляндской губернии (ныне территория Эстонии). Отец его был батраком, а мать — дочерью хуторянина, на которого он работал. В шесть лет мальчик сам научился читать и писать, а в восемь поступил в местную волостную школу. Вскоре родители Йохана переехали в Вильянди, где он продолжил учебу сначала в немецкой начальной, а затем в русской городской школах. Хотя в се-

мье Лайдонеров было четверо детей, родители ухитрились оплачивать образование Йохана, возлагая большие надежды на его будущее. Однако университет оказался им не по карману, и семнадцатилетнему юноше добровольцем пришлось вступить в русскую армию.

Отслужив год в Каунасе (в 110-м Камском пехотном полку), крестьянский сын сумел-таки получить направление в Виленскую военную школу. В 1905 г. подпоручик Лайдонер закончил ее лучшим выпускником курса, получив в качестве поощрения не только золотые часы, но и право выбирать место будущей службы. Выбор его пал на квартировавший в грузинском городе Манглис 13-й лейб-гренадерский Ереванский полк, шефом которого был сам император. Следующей важной ступенью в карьере стала Николаевская Академия Генерального штаба. Во время учебы в столице Йохан женился на студентке консерватории Марии Крушевской — польской дворянке из старинного рода. Закончив академию в 1912 г., Лайдонер вернулся в свою часть штабс-капитаном. Через два года началась Первая мировая война, и уже в составе штаба 3-го Кавказского корпуса он отправился на австрийский фронт, в Галицию.

Корпус сразу же принял участие в осеннем наступлении, причем Лайдонер в этих боях дважды был ранен и один раз контужен. К маю 1915 г. вражеское командование посчитало «кавказцев» обескровленными и решило перебросить свой 14-й тирольский корпус в Италию. Однако при Сеняве «кавказцы» внезапно обрушились на грузившихся в эшелоны «тирольцев», захватив около 7 тыс. пленных и 15 орудий. Лайдонер отличился в этой операции и вскоре с повышением перешел в отдел разведки штаба Западного фронта.

Первую мировую войну он закончил в чине подполковника и в должности начальника штаба 62-й дивизии. К моменту возвращения на родину (осенью 1917 г.) на его груди красовались ордена Св. Станислава и Св. Владимира, а на боку висела Георгиевская сабля «За храбрость». Царские «побрякушки» в то время уже не ценились, однако

среди местных уроженцев Лайдонер оказался наиболее опытным и заслуженным военным. В результате именно ему пришедшие к власти большевики доверили командование 1-й Эстонской пехотной дивизией, насчитывавшей в своих рядах почти 50 тыс. солдат и офицеров.

Правда, уже в феврале 1918 г. комдива отправили в отставку, а оккупировавшие край немцы решили арестовать его как бывшего разведчика. Лайдонеру пришлось уехать в Петроград, однако места в формирующейся Красной армии он себе так и не нашел, либо не захотел найти.

В ноябре 1918 г., сразу же после разгрома Германии, на руинах Балтийского герцогства появились новые государства — Эстония, Латвия и Литва. Узнав, что в Ревеле (Таллине) создано Временное правительство во главе с К. Пятсом, Лайдонер тут же предложил ему свои услуги.

Угрозу для независимости эстонцев в это время представляли не только российские большевики, но и не желавшие убраться из Прибалтики остатки немецких войск. Пятс в этой ситуации решил опереться на помощь Англии, Франции и Америки. 12 декабря в Ревеле пришвартовалась британская эскадра, и Лайдонеру поручили наладить взаимодействие с союзниками. Затем он же в качестве главнокомандующего (с 23 декабря) занялся формированием эстонской армии, в которую кроме местных уроженцев вступали и многочисленные добровольцы из Финляндии и стран Скандинавии. Несмотря на отсутствие опыта, это войско смогло отразить наступление красных и уже к марту 1919 г. установить контроль не только над всей Эстонией, но и над прилегающими русскими территориями.

Лайдонер за эту кампанию получил звание генерал-майора. Благодаря полученному от союзников снаряжению он сумел довести свою армию почти до 70 тыс. штыков. Дело, правда, осложнялось отсутствием единства среди его подчиненных. Значительную часть войска составлял Северо-Западный корпус, состоявший из русских белогвардейцев, причем лишь один «атаман» С. Н. Булак-Балахович считался сторонником независимой Эстонии.

Все прочие командиры с большей или меньшей категоричностью выступали с позиций «единой и неделимой» Российской империи.

Тем не менее русские и эстонские белогвардейцы попытались наладить совместные действия. 2-я эстонская дивизия заняла Псков, передав город Булак-Балаховичу. На нарвском направлении части А. П. Родзянко и 1-я эстонская дивизия овладели Ямгородом. Одновременно высадившийся в Копорской губе Ингерманландский полк капитана А. Тюни повел наступление вдоль южного побережья Финского залива.

13 июня вспыхнул антибольшевистский мятеж на фортах Красная Горка и Серая Лошадь. Однако находившийся неподалеку Ингерманландский полк то ли не смог, то ли не захотел помочь восставшим. Красные оперативно отбили форты, а их гарнизонам пришлось отступить на соединение с войсками Родзянко. Узнав о подлинной или мнимой измене союзников, тот приказал разоружить Ингерманландский полк, что, в свою очередь, едва не привело к открытому столкновению с эстонцами.

У Лайдонера хватило выдержки не доводить дело до крайности. Он лишь ограничился снятием с себя полномочий командующего Северо-Западным корпусом и отказом от дальнейшего наступления против Петрограда. Впрочем, возможно, дело заключалось не в выдержке, а в том, что у эстонцев попросту уже не хватало сил ни на большевиков, ни на Родзянко...

В соседней Латвии главными противниками красных были остатки германского корпуса Р. фон дер Гольца. Местные националисты, в свою очередь, раскололись на сторонников просоюзнической и пронемецкой ориентации. Поскольку эстонцы ориентировались на Антанту, то они решили помочь своим латышским единомышленникам, что в конечном счете привело к полномасштабной войне с фон дер Гольцем. В битве у Цесиса немцы потерпели поражение, а спустя пару недель эстонцы и латышские части полковника Земитана вошли в Ригу. Так Лайдо-

нер не только выиграл войну с потомками крестоносцев, но и помог соседней прибалтийской республике.

Русские белогвардейцы, несмотря на все прошлые разногласия, также продолжали рассчитывать на его помощь. Правда, признавать эстонский суверенитет они не спешили, ссылаясь на отсутствие демократического правительства. В конце концов представитель союзников полковник Марш вызвал из Финляндии членов Комитета по делам русских беженцев и выдвинул ультиматум: либо вы за 40 минут создаете правительство и подписываете соглашение с независимой Эстонией, либо... «мы будем вас бросать».

Ультиматум подействовал. На свет появилось Северо-Западное правительство, наконец-то признавшее Эстонскую республику от имени «Белой России». К Н. Н. Юденичу, сменившему А. П. Родзянко, потоком хлынуло оружие и снаряжение, что дало белогвардейцам возможность к концу сентября развернуть новое наступление против Петрограда.

Войска Лайдонера приняли участие и в этой операции, однако и на сей раз дело закончилось поражением. 31 декабря Красная армия остановилась на границе с Эстонией, а советское правительство вступило в переговоры с Таллином. 2 февраля 1920 г. в Тарту был подписан мирный договор, по которому Россия признавала «безоговорочно независимость и самостоятельность Эстонского государства» и отказывалась «добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к Эстонскому народу и земле».

Война за независимость для Лайдонера закончилась. Эстонское правительство упразднило должность главнокомандующего, присвоив ему в качестве компенсации звание генерал-лейтенанта. Для многих соотечественников Лайдонер стал национальным героем, и в сущности ничто не мешало ему (подобно Маннергейму или Пилсудскому) со временем претендовать на пост главы государства. Удобный момент для этого сложился в декабре 1924 г., когда в связи с угрозой большевистского восстания отставному генералу пришлось вновь вернуться на

должность главнокомандующего. Возглавив Союз самозащиты (Кайтселийт), он быстро и решительно подавил выступление, после чего вторично вышел в отставку.

До 1929 г. Лайдонер продолжал быть депутатом эстонского парламента, затем работал в Лиге наций и одновременно выполнял массу общественных обязанностей (председатель Олимпийского комитета Эстонии, президент Ротари-клуба, почетный доктор Тартусского и Таллинского технического университетов, почетный член Академии наук). Эстонское правительство подарило ему поместье (где сейчас находится мемориальный музей) и наградило двумя Крестами Свободы (за военные и гражданские заслуги). Имелись у него и другие ордена: английские (Св. Михаила и Св. Георгия), французские (Почетного Легиона), финские (Большой Крест ордена Белой Розы), польские (Виртути Милитари, Белого Орла, Большой Крест ордена Польского Возрождения).

Однако, несмотря на весь авторитет Лайдонера в стране и на международной арене, ни президентом, ни тем более диктатором Эстонии он так и не стал. Возможно, интерес к карьере пропал у него после самоубийства в 1928 г. единственного сына Михаэля (супруги в том же году усыновили своего племянника Алексея Крушевского), а может быть, генерал просто считал, что лучше быть хорошим военным, чем посредственным политиком.

В феврале 1939 г. о полководческих способностях Лайдонера вспомнили и уже в третий раз назначили его главнокомандующим. Через полгода Москва вынудила Таллин подписать пакт о взаимопомощи, согласно которому на территории страны появились советские военные базы. Следующим этапом стала открытая оккупация Эстонии (летом 1940 г.).

Лайдонер так и не рискнул отдать приказ о вооруженном сопротивлении. Со времени войны за независимость прошло 20 лет, и с тех пор многое изменилось. 14-тысячная эстонская армия уже не могла противостоять полумиллионной советской группировке. Не приходилось рассчитывать и на помощь традиционных союзников, Анг-

лии и Франции, занятых в это время борьбой с фашистской Германией.

В новой Эстонии органы НКВД плотно занялись буржуазными политиками. Супругов Лайдонеров депортировали в Россию. В Пензе генерал был арестован (26 июля 1941 г.). Следствие длилось до марта 1942 г., но потом было приостановлено и возобновилось лишь в феврале 1952 г. На сей раз оно оказалось очень коротким, и уже 16 апреля Особое совещание «за активную контрреволюционную и антисоветскую деятельность» приговорило Лайдонера к 25 годам тюремного заключения с конфискацией имущества. Свой срок заключенный № 11 отбывал во Владимирской тюрьме, где и скончался 13 марта 1953 г. Тело его было погребено этой же ночью на городском кладбище в могиле, уже занятой другим узником, бывшим вице-премьером Польши Яном Янковским. Однако впоследствии захоронение затерялось среди тысяч безымянных могил других заключенных: русских, поляков, немцев, японцев.

КИНГИСЕПП

Виктор Эдуардович Кингисепп родился 24 марта 1888 г. на хуторе Мариенталь на острове Эзель (Сааремаа). Дед его владел хутором и кузнечно-механической мастерской, в которой трудились и сыновья прижимистого хозяина. Один из них — Эдуард — женился на бывшей гувернантке, проработавшей несколько лет в Тамбовской губернии. Именно эта пара и стала родителями нашего героя.

В 1889 г. отец Виктора вместе с семьей ушел на заработки в город Аренсбург (Куресааре). В качестве машиниста он работал в механической мастерской, в грязелечебницах, на кожевенном заводе и как всякий хороший специалист получал довольно приличную зарплату. Денег этих хватило на то, чтобы оплатить сыну учебу в гимназии.

Родители Виктора были далеки от политики, но почитали эстонских просветителей-демократов Ф.-Р. Крейцвальда и Лидию Койдула. С детства мальчик слышал рассказы о народных восстаниях на Сааремаа, впитывая при

этом ненависть к немецким помещикам — потомкам завоевателей-крестоносцев.

В 15 лет Кингисепп увлекся марксизмом и в бурном 1905 г. уже занимался тем, что развозил по деревням и мызам отпечатанные на гектографе революционные прокламации. Один раз юноша даже побывал под арестом за то, что крикнул проходящему патрулю: «Долой самодержавие!». Впрочем, «хулигана» быстро отпустили, и эта шалость никак не отразилась на его гимназическом аттестате.

В 1906 г. Виктор уехал в Петербург, где стал студентом юридического факультета университета. К тому времени он уже был членом РСДРП и вместо лекций большую часть времени проводил на сходках и митингах. В качестве пропагандиста Кингисепп работал с проживавшими в столице земляками-эстонцами. Видимо, именно тогда он и сблизился с большевистским крылом партии. Во всяком случае, когда в марте 1907 г. в Териоках (Зеленогорске) прошла конференция эстонских организаций РСДРП, именно Кингисепп стал одним из инициаторов принятой на этом совещании проленинской резолюции об отношении социал-демократов к Государственной Думе.

Отправившись по партийному заданию в Ревель, Виктор Эдуардович занимался уже не столько борьбой с самодержавием, сколько разоблачением «оппортунистов» — меньшевиков, заседавших в городском комитете РСДРП. Правда, во время второго посещения Ревеля он сумел организовать типографию и буквально чудом избежать второго ареста. В 1909—1910 гг. Кингисепп курсировал между Москвой и Эзелем.

За это время «нерадивого студента» исключили из университета. Революция давно закончилась, и Виктор Эдуардович решил подумать о хлебе насущном. В университете он восстановился, но от своего главного увлечения так и не отказался. Его статьи о положении в Эстонии время от времени появлялись в «Правде», а затем он принял участие в создании еще одной большевистской газеты «Кийр» («Луч»), печатавшейся в Нарве.

В конце концов Кингисепп привлек внимание полиции. В январе 1914 г. ему пришлось перейти на нелегальное положение и укрыться в Финляндии. С началом Первой мировой войны «Правда» и «Кийр» были закрыты. Виктор Эдуардович поступил вольноопределяющимся в санитарный отряд Кавказского фронта. В Петроград он вернулся лишь в мае 1917 г., уже после свержения самодержавия.

Получив наконец-то диплом юриста, он возобновил контакты с большевиками и отправился по их поручению пропагандистом в Ревель и Нарву. Во время корниловского мятежа рабочие во главе с Кингисеппом заняли станцию, воспрепятствовав тем самым продвижению на Петроград эшелонов с военными. Затем Виктор Эдуардович в качестве делегата участвовал в Демократическом совещании, а вернувшись в Ревель, стал членом местного Военно-революционного комитета. Во многом именно благодаря его стараниям большевистский переворот в Ревеле прошел столь же гладко, как и в Петрограде. Вместе с красногвардейцами он занял дворец на Вышгороде, сместив губернского комиссара Временного правительства. Затем на паровозе Кингисепп выехал в распоряжение 49-го армейского корпуса и убедил солдат не выступать на защиту Керенского.

Через несколько дней, организовав демонстрацию трудящихся, Виктор Эдуардович разогнал губернский земский совет, став при этом заместителем председателя нового органа власти — краевого исполкома. В качестве комиссара по военным и продовольственным делам он активно проводил мероприятия по национализации банков, земли и промышленных предприятий. Местные националисты попытались ответить на это восстанием в Юрьеве (Тарту), но их выступление было оперативно подавлено все тем же вездесущим Кингисеппом.

Его бурная деятельность прервалась в марте 1918 г. после оккупации края германцами. На одном из кораблей Балтийского флота Виктор Эдуардович эвакуировался в Петроград, а оттуда напрямик уехал в Москву в качестве делегата IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов. Именно на этом съезде был ратифицирован Бре-

стский мир, отдававший немцам в числе многих других территорий и родину Кингисеппа — Эстонию.

В Москве «проверенному товарищу» быстро нашли другую работу. Как юриста его направили на работу в карательные органы. В качестве члена всевозможных комиссий и трибуналов Виктор Эдуардович занимался многими громкими делами. Именно при его участии и зачастую по вздорным обвинениям были осуждены спаситель Балтийского флота А. Щастный, английский дипломат Локкарт, шпион Коломатиано, провокатор Р. Малиновский и многие другие. О степени доверия, которым пользовался Кингисепп, свидетельствует тот факт, что именно ему поручили дело о покушении на Ленина. Главной преступницей была названа Фанни Каплан, и хотя сегодня некоторые исследователи считают, что эта полуслепая женщина не могла попасть даже в слона (не то что в маленького и юркого вождя мирового пролетариата), именно предложенная Кингисеппом версия стала официальной.

В сущности, всегда и везде Виктор Эдуардович приходил к тем выводам, которые от него требовались партийными руководителями. Однако в Кремле никогда не забывали о его национальности, и вполне естественно, что именно Кингисеппу поручили организовать подпольную сеть в Эстонии.

В ноябре 1918 г., практически одновременно с созданием буржуазного правительства К. Пятса, в Петрограде был образован Временный ревком края, возглавляемый соратником Кингисеппа Яном Анвельтом. 29 ноября Красная армия вошла в Нарву, причем главная роль во взятии города отводилась эстонским Таллинскому, Тартускому и Вильяндискому коммунистическим полкам.

В первом же «освобожденном городе» провозгласили создание новой республики — Эстляндской трудовой коммуны. Главой этого «государства» стал Анвельт, Кингисеппу же достался второй по значимости пост — наркома внутренних дел. Хотя Петроград в это дни вымирал от голода, ленинский Совнарком выделил эстонским товарищам субсидию в 10 млн рублей.

Однако просуществовала «трудовая коммуна» недолго. Захватив почти половину территории Эстонии, Красная армия откатилась обратно, и уже в январе 1919 г. правительству Анвельта—Кингисеппа пришлось ретироваться сначала в Выру, а затем во Псков. Разгромом завершилось восстание на острове Эзель, а по всей Эстонии прокатилась волна белого террора: несколько сотен человек были казнены либо сосланы в своеобразные концлагеря (в Пяэскюла и на острове Найсаар).

Очередная полоса неудач началась в мае 1919 г. Возглавляемая Риттом 1-я эстонская дивизия красных в полном составе перешла к соотечественникам. В результате части Лайдонера овладели Изборском и Псковом, что же касается эстонских большевиков, то они после этого фактически лишились собственной армии.

В июне 1919 г. Совет трудовой коммуны был распущен, однако отказываться от борьбы Виктор Эдуардович еще не собирался. В самой Эстонии и эстонских частях Кингисепп и его агенты развернули антивоенную агитацию. Главный упор делался на то, что, в отличие от русских белогвардейцев, большевики ничего не имеют против суверенной Прибалтики, а со стороны Эстонии война превратилась из оборонительной в откровенно захватническую.

Подобная тактика оправдала себя довольно быстро. Сам Кингисепп несколько раз нелегально ездил на родину, сумев установить контакты с лидерами профсоюзного движения. 30—31 августа он даже выступил на I съезде профсоюзов Эстонии, участники которого высказались за немедленный мир с Советской Россией.

Резкий антиправительственный настрой съезда, а также информация о присутствии на нем ненавистного Кингисеппа заставили К. Пятса перейти к решительным действиям. Правда, самого Виктора Эдуардовича поймать не удалось, но зато все 102 делегата были арестованы и отправлены в армию — на Псковский участок. В первом же бою 75 из них перешли к красным. Оставшиеся 26 человек сделать этого не успели и были расстреляны в древнем Изборске (один человек сумел спастись).

Событие это вошло в историю под названием Изборской трагедии и послужило толчком для серьезного внутриполитического кризиса. В прессе и обществе разгорелись дебаты по поводу правомерности и демократичности подобных действий. На фронте целые полки отказывались воевать, и их приходилось отводить в тыл на переформирование. Бросив своих русских союзников, из Пскова эстонские солдаты уходили под пение революционных песен и с красными гвоздиками в петлицах. Многие из них чувствовали себя почти большевиками...

Базируясь на собственном удачном и неудачном опыте, Кингисепп написал книгу «Под иггом независимости», содержание которой сводилось к перечислению преимуществ Советской Социалистической Эстонии перед Эстонией буржуазной. Труд вышел из печати в январе 1920 г. и стал своеобразной «библией» эстонских коммунистов. Однако заключенный через месяц Тартусский мирный договор, а также принятая через полгода конституция Эстонской республики, казалось, поставили крест на мечтах Кингисеппа. Его родина встала на путь буржуазного развития, и Кремль вроде бы смирился с этой печальной истиной.

Работая после Гражданской войны в Коминтерне, Виктор Эдуардович по-прежнему занимался главным образом эстонскими делами. По тайным каналам он пересылал огромные деньги на тамошнюю прокоммунистическую печать и на профсоюзное движение. Время от времени Кингисепп нелегально навещал родину, и во время одной из таких поездок (в марте 1922 г.) поселился на конспиративной квартире в самом центре Таллина.

Итогом его деятельности стала 20-тысячная первомайская демонстрация в эстонской столице. Как обычно, не обошлось без стычек, причем в результате одной из них в руки полиции попал активист по кличке Чугун (настоящая фамилия Линкхорст). Именно он под пытками и выдал убежище Кингисеппа. Любопытно, что с самого Линкхорста обвинение в предательстве впоследствии было снято. Причиной оправдания послужили не только приме-

ненные к нему жестокие методы, но и тот факт, что о его аресте Виктора Эдуардовича оповестили, и, согласно законам конспирации, он должен был немедленно покинуть квартиру, о которой было известно арестованному. Но Кингисепп этого почему-то не сделал. И в результате тоже был схвачен 3 мая 1922 г.

Советское посольство предложило обменять его на двух арестованных контрреволюционеров. Эстонцы ответили отказом, и буквально в тот же день Кингисепп предстал перед военно-полевым, судом приговорившим его к смертной казни. Расстрел произошел через несколько часов на пустынном побережье. Последние слова осужденного прозвучали именно так, как и следовало ожидать от человека с его биографией: «Да здравствует Советская Эстония!»...

Узнав о казни, Москва попросила передать его тело для захоронения на Красной площади. И вновь эстонцы ответили отказом. Могила большевика не должна была стать объектом почитания, и потому ее местонахождение так и осталось неизвестным.

В советские времена эстонцы шутили, что восточная граница их республики простирается «от Кингисеппа до Кингисеппа». Сегодня находящийся на Сааремаа бывший Кингисепп называется Куресааре, и лишь расположенный на российской территории бывший Ямгород по-прежнему носит имя революционера из соседнего государства. В Эстонии сейчас нет города имени Лайдонера, но имя генерала пользуется в стране большим уважением.

Любопытно, что и Лайдонер, и Кингисепп происходили примерно из одних социальных слоев и, погибнув при сходных обстоятельствах, оставили после себя лишь безымянные могилы. Оба они в конце жизни потерпели поражение, но, как можно предположить, умерли, так и не потеряв веры в свои идеалы. В сущности «дуэль» Лайдонера и Кингисеппа продолжалась даже после их смерти. И шел этот поединок уже не на политической арене, а в памяти потомков.